

ГЛАВА 1

На крышах, дорогах и на льду замерзшего озера лежал густой снег.

А в доме было хорошо и уютно. В таинственном серо-фиолетовом свете сумерек Винга и Хейке грелись у камина после осмотра поместья. Они сидели в удобных креслах со скамейками для ног.

Винга кокетливо переложила ноги, наслаждаясь теплом.

— Как хорошо, что ты заглянул, Хейке, — сказала она своим легким задорным голосом, — без тебя здесь так одиноко. А ты никогда не приходишь меня навестить!

Он улыбнулся.

— Ты знаешь, почему. Я не могу жить здесь с тобой. Иначе неизбежно окажусь в твоей постели.

— По собственной воле? — быстро спросила она. — Или потому, что я попрошу?

— По собственной воле, как ты прекрасно знаешь. Но... от твоего безрассудства мне точно не легче.

— Но, Хейке, я не понимаю, почему мы не можем...

Он прервал ее, пока она не перешла к убедительным аргументам.

— Опекун не имеет права спать с подопечной, Винга! Особенно, если ей всего семнадцать, а он...

— Прекрати! — сказала она, поднимая руку. — Если ты снова заведешь ржавую шарманку про свое уродство, я не стану с тобой разговаривать!

— Обещаешь? — спросил он, подмигнув.

Она запустила в Хейке подушкой.

Но именно об этом он и собирался сказать. Утром того дня, когда он решил навестить Вингу, потому что очень соскучился, он увидел свое отражение в зеркале и подумал, что лучше остаться в убогом домишке на окраине Христиании. Он самый уродливый человек на свете. Да, высок и строен, но на этом достоинства заканчиваются. Хейке с ненавистью посмотрел на свои тонкие черные волосы, в гуще которых самое место острым ушам тролля. На раскосые желтые глаза, нос с горбинкой, и широкий волчий рот над острым, как у лисицы, подбородком. А еще угловатые скулы, плечи и волосатая грудь в придачу.

Он был самым неприглядным из проклятых Людей Льда.

И как может эта сумасшедшая Винга, самое прекрасное создание на земле, настаивать, что он красив!

Хейке специально знакомил ее с другими молодыми людьми, чтобы показать разницу. Он знал, что когда-нибудь потеряет ее, это вполне естественно. Но Винга утверждала, что приятные молодые люди ее не интересуют.

— Они, может, и красивые! Но ты Хейке — прекрасен! Для меня лучше тебя нет и не может быть никого на всем белом свете!

Так что не было ничего странного в том, что Хейке ходил к Винге неохотно.

Он любил ее! Да что там, просто обожал, каждую мелкую черточку ее облика и характера: светлые ниспадающие каскадом волосы, живые движения, смех, веселые глаза и обескураживающую прямооту.

— Как продвигается дело с возвращением Гростенсхольма? — внезапно спросила Винга.

Хейке поднял глаза и посмотрел в сторону большой фермы вдали на холмах. Но за окном было видно только стену падающего снега.

— Пока никак. Снивель крепко засел там, как большая жирная жаба на горе сокровищ. Моих сокровищ! Он не собирается уступать.

— Это я и без тебя знаю.

— Досаждает?

— Он ненавидит меня, Хейке. Он ненавидит за то, что суд вернул мне Элистранд, и за то, что я получила деньги, которые Сёренсен украл у моего отца. Сейчас все хорошо, слуги преданы, и в Элистранде все в порядке. Или, по край-

ней мере, в приемлемом состоянии, ты сам видишь. Я для него — заноза в заднице, его злит сам факт моего существования.

— Он что-то делал?

— Много чего. Сначала рассказывал гадости, чтобы все в приходе от меня отвернулись. Но ничего не вышло, здесь всегда любили Людей Льда, а сам Снивель никому не нравится. Еще пытался сорвать работы на лесопилке, его люди портили нам лодки и снасти, мешали во время сбора урожая и на вырубке леса. Но благодаря преданным работникам серьезного ущерба не случилось. А те убытки, что мы все-таки понесли, каким-то чудом удавалось всякий раз возмещать. Как будто мне помогает высшая сила. Каждый раз, когда кажется, что все пропало, приходит неожиданная помощь: деньги, зерно или что-то подобное. Находятся люди, которые были чем-то обязаны отцу...

Она выглядела смущенной. Хейке отвернулся, чтобы Винга не прочла по его глазам, кто ей на самом деле помогает...

Винга очнулась от своих мыслей.

— Постоянные нападки Снивеля отнимают у меня силы, Хейке. Я устала.

— Так не может продолжаться, — Хейке пришел в ярость. — Нельзя позволять ему строить козни!

— Но ты не знаешь худшего. Один из конюхов видел его человека в нашем каретном сарае.

А на следующий день, когда я поехала в экипаже, ось сломалась на крутом холме у озера. Ее перепилили.

Хейке вскочил и принялся беспокожно расхаживать по комнате.

— Его нужно выгнать, он должен уйти! Немедленно! Боже, это мой дом, он не имеет права там находиться! Только потому, что он судья, никто не может ему противиться. Или, скорее, не осмеливается!

— А что насчет адвоката Менгера?

— Я не хочу просить его больше об одолжениях, Винга. Он совершил великий подвиг, когда сумел вернуть тебе Элистранд, я не могу требовать большего от смертельно больного человека. Снивель уничтожит его.

— В суде?

— Да, но и в буквальном смысле тоже. Если мы подадим на Снивеля в суд, он расправится с Менгером еще до того, как дело попадет на рассмотрение. Снивель не остановится перед убийством, для него это проще простого. Он и так подкупил почти всех членов суда по делу Элистранда.

— Да, но тебе удалось сделать хоть что-то, Хейке? Ты же не сидел сложа руки? Прошло девять месяцев!

Хейке вздохнул.

— Я перепробовал все. Обращался в Верховный суд, но там на меня смотрели так, словно

я грязь на ботинках. Очевидно, Снивель использовал свое влияние. Он знает, что я буду добиваться своего.

Он снова сел.

— Конечно, я получил ответ от тети Ингелы и Арва Грипа. Ты сама читала мне их письмо. Они бы очень хотели помочь, но не могут бросить свои обязанности. Винга, я разговаривал со многими в Христиании. Но из этого ничего не вышло. Люди считают меня дьяволом или троллем и просто отказываются помогать! Скажу больше, я был в Гростенсхольме и говорил со Снивелем. Пытался убедить его вернуть Гростенсхольм по доброй воле.

— Боже, Хейке! Ты правда ходил к нему? На самом деле?

— Да, я, видимо, слишком наивен. Это было неприятно. Он сказал, что не отдаст свое имущество отродью сатаны!

— Ну, полагаю, ты слышал такое и раньше.

— Да, сотни раз. Но это было самое приятное, из того, что он сказал. Когда я уходил, рядом с моим ухом просвистела пуля. Стреляли со стороны надворных построек.

— Ты не рассказывал, — сказала Винга, ее лицо покраснело от ярости. — Я... я не могу поверить. Надо пожаловаться наместнику! Это покушение! По крайней мере, он должен доложить в Королевскую канцелярию о проделках Снивеля!

— Хотел бы я посмотреть, как наш наместник осмелится на что-то подобное! Только не со Снивелем. Он по-прежнему обладает огромной властью, хотя в прошлом году она слегка пошатнулась. Он легко мог бы избавиться от наместника, втоптать в грязь его имя. А пуля... что ж, это всего лишь случайный выстрел на охоте.

— А можно обратиться к королю? Хейке, Гростенсхольм твой! Его присвоили обманом! Это можно доказать!

— К королю? Королю, который правит Данией и у которого более чем достаточно других забот? Ему нет дела до Гростенсхольма или Людей Льда в далекой незначительной Норвегии.

— Говорят, что он немного сумасшедший, но люди его очень любят.

— Возможно, но он вряд ли читает все письма, которые получает. У него, должно быть, огромный штат сотрудников, которые выполняют его приказы. И, потом, кто напишет это письмо? Я? Я не могу написать даже собственное имя!

— Значит, пришло время научиться, — ответила Винга с вызовом, и Хейке пришлось согласиться.

Они молча смотрели на огонь. Но Хейке через минуту отвернулся, его взгляд притягивала соблазнительная фигура Винги. Он не мог отвести от нее глаз.

Не задумываясь о том, что делает, Хейке заговорил, его низкий голос наполнил комнату протяжными звуками, как будто он читал заклинания.

— Я хочу взять тебя на руки, Винга, держать перед собой, как благословение, и выпрыгнуть через окно прямо в зимнюю бурю. Я бы полетел сквозь космос, держа тебя на вытянутых руках, чтобы твои волосы струились золотой рекой. Тихой зимней ночью мы полетим сквозь снежный буран туда, где мерцают звезды. Я бы протянул тебя к ним, подняв над головой и сказал: «Посмотрите, что я принес! Пожалуйста, примите эту лесную нимфу, Вингу, сотканную из звездной пыли, потому что ее место среди вас. Чудовище из подземного мира принесло ее сюда в ночной тишине, чтобы вы благословили ее. — Нет, — скажут звезды, — это ты не сешь за нее ответственность, ты, дух бездны. Ты должен сопровождать ее весь срок человеческого бытия, защищать ценой жизни, почитать и любить, но не трогать, потому что ты гигантский уродливый монстр».

— Хейке, — прошептала Винга, внезапно упав на колени рядом с ним и спрятав лицо в его одежде, — ты не из подземного мира, ты не дух бездны! Но, если подумать, то лучше бы ты им был, потому что я люблю таких демонов, как ты!

Он улыбнулся, поглаживая ее золотистые блестящие волосы.

— Демон и дева. Так нас называли?

Она рассмеялась, все еще уткнувшись лицом в его колени.

— Но это неправда, я не ангел.

— Ангел и девственница — не одно и то же.

— Нет, но я же не девственница. Впрочем, технически все еще да, но это только твоя вина!

— Это моя заслуга.

— Нет, я совсем не это имела в виду! И не смей думать обо мне как о чем-то неземном или поклоняться мне как богине. Хейке, я этого не хочу! Я часто бываю мелочной и злой, и более того... я сильно повзрослела за последнее время. Видишь, как изменилось мое тело? Грудь и бедра... Я уже не ребенок!

— Думаешь, я не заметил? — Хейке задумчиво улыбнулся. — Как думаешь, почему я стараюсь не смотреть на тебя?

Она удовлетворенно кивнула и погладила внутреннюю сторону его бедра. Хейке тут же схватил ее за руку.

— Нет, Винга!

Она подняла голову, улыбаясь.

— Но мне нравится чувствовать, что тебя волнует мое присутствие. Тебе есть, что предложить женщине. Никто не сравнится с тобой в этом!

— Откуда ты знаешь? — резко спросил он, пытаясь крепче сжать ее слишком смелые руки.

— Ну, есть картины и скульптуры. И однажды, когда я была еще ребенком, я подглядывала

за работниками на ферме. Такого тела, как у тебя, нет ни у кого!

— Это точно, — закончил разговор Хейке, — в этом ты права.

— Не говори об этом с такой горечью. Я люблю тебя! Разве этого недостаточно?

Он посмотрел на Вингу сверху вниз и осторожно поднял ее на ноги.

— Все, чего я желаю в жизни, — твоей любви. Но как долго продлится эта любовь?

— Иногда мне хочется ударить тебя! Почему ты так уверен, что я влюблюсь в кого-то другого?

— Потому что ты очень молода!

— То же самое ты говорил девять месяцев назад. И поставил предел — восемнадцать лет...

— Это ты поставила. Я сказал, что надо ждать до двадцати.

— Да, но мы сошлись на восемнадцати, — продолжила она, — постараюсь до тех пор вести себя прилично.

Она снова опустилась на стул.

— Но ты сейчас соврал.

— Я никогда не лгу.

— Ха! «Винга Тарк — все, что я хочу от жизни». Это ложь. Ты хочешь Гростенсхольм.

— Да, хочу. Но он на втором месте.

— Тогда начнем со второго места! И, возможно, ты пожалеешь, что так долго оттягивал с первым.

— Честное слово, Винга!